

Вопросъ о подлинности церковныхъ грамотъ, входящихъ въ составъ новгородскихъ лѣтописей.

(Окончаніе).

Теперь обратимся къ тому чтенію грамотъ, которое вызвало цѣлый рядъ догадокъ и до сихъ поръ не было удовлетворительно объяснено. Въ „Правилѣ Законномъ“ читаемъ: „В лѣто 6496, въ царство Костянтина и Василя, при патриарсѣ Фотѣи, крестися самъ Володимеръ“: въ „Рукописани“: „Се азъ, кн. в. Володимеръ... въсприалъ есмь св. крещеніе отъ греческихъ царей, К. и В., и отъ Фотія, патриарха цареградскаго“; въ Уставѣ Всеволода: Ольга и Володимеръ „прилѣтъ св. крещеніе отъ греческихъ царей и отъ Фотія, патриарха цареградскаго“. Въ разныхъ лѣтописяхъ подѣ 6497 г. помѣщается слѣд. извѣстіе: „крестися первое кн. Владимиръ и взя у патриарха у Фотѣя у Цареградскаго митрополита“¹⁾. Въ Никоновской лѣт. подобное извѣстіе находится подѣ 6500 г.: „взя Владимиръ у блаженнаго патриарха Фотѣя Константиноградскаго митрополита“. Въ той же лѣтописи имя Фотія встрѣчается еще нѣсколько разъ: 2) Въ лѣто 6496 „посла Володимеръ въ Греки къ пресвященному Фотѣю, патриарху Цареградскому, и взя отъ него перваго митрополита Михаила“. 3) Въ лѣто 6498 „иде Михаилъ митрополитъ... въ Новгородъ В. съ епископы Фотѣя патриарха, даде бо ему Фотѣи патриархъ шестъ епископовъ на помощь“. 4) „Въ лѣто 6499 иде Михаилъ митрополитъ... до Ростова съ че-

¹⁾ См. Шахматовъ. Одинъ изъ источниковъ лѣт. сказанія о крещеніи Владиміра (Сборникъ ст. по славяновѣдѣнію, посвящ. Дринову, стр. 64).

тырма епископы Фотѣя патріарха..., а друзи епископы Фотѣевы въ Кіевѣ пребываху“. 5) „Въ лѣто 6500 ходи Володимерь въ Суздальскую землю. . бѣ же съ Володимеромъ два епископа Фотѣя патріарха“. 6) Въ лѣто 6501 При закладѣхъ Десятинной церкви присутствовали митрополитъ и епископы „Фотѣя патріарха“.

Давно уже, еще со времени Карамзина, было обращено вниманіе на имя Фотія (вмѣсто Николая), и многіе пытались объяснить появленіе его въ грамотахъ и лѣтописяхъ. Преосв. Филаретъ полагалъ, что имя Фотія употреблялось, по примѣру Болгаріи, въ смыслѣ представителя греческаго православія, въ противоположность католицизму. Приблизительно такъ же думалъ И. Д. Бѣляевъ, говоря, что выраженіе „воспріялъ есмь крещеніе отъ Фотія“ означаетъ не то, что Владимерь крестился при Фотіи, но что пріялъ крещеніе и ученіе православной церкви, утвержденной Фотіемъ. Акад. Голубинскій представляетъ себѣ дѣло иначе: наши предки могли имѣть въ переводѣ окружное посланіе патріарха Фотія, выдержка изъ котораго приводится въ Степенной книгѣ. Въ посланіи упоминается, что жестокіе руссы пріяли епископа и пастыря Эти рѣчи „наши лѣтописцы по недоразумѣнію и невѣдѣнію и пріяли за рѣчи о нашихъ кіевскихъ русскихъ съ Владимеромъ во главѣ, и въ энихъ-то рѣчахъ они и увидѣли свидѣтельство, будто митрополитъ бытъ присланъ Владимиру патріархомъ Фотіемъ“ (стр. 279). На это слѣдуетъ возразить, что чаще всего имя Фотія встрѣчается въ Никоновской лѣтописи, между тѣмъ какъ въ ней еще нѣтъ выдержки изъ посланія, которая появляется гораздо позднѣе—въ Степенной книгѣ (не ранѣе 1561 г.).

„Лѣтописцы греческіе“, продолжаетъ акад. Голубинскій, не называетъ по имени епископа...: по въ нашихъ славянскихъ сказаніяхъ онъ называется митрополитомъ Михаиломъ: въ лѣто 886—читаемъ въ Густинской лѣтописи—пріиде Михайль митрополитъ въ Русь, посланъ отъ Василія Македона, царя греческаго, и Фотія патріарха, пже, увѣряя Русь, вверже Евангеліе въ огонь, и не погорѣ, и смъ чудомъ ужаси Русь и многія крести“ (стр. 280). Относительно этого указанія замѣтимъ слѣдующее: чтеніе Густинской и другихъ лѣтописей XVII в. представляетъ собою лишь весьма красивое изложеніе того, что разсказывается въ Хронографѣ

1512 г., въ Никоновской лѣтописи и другихъ памятникѣхъ XVI в. Здѣсь нѣтъ ни указанія года, ни митрополита, ни патріарха, но зато впо нѣтъ опредѣленно разсказъ связывается съ военнымъ походомъ. Самое событіе слѣдуетъ связать съ походомъ руссовъ на Византію въ 860 году ¹⁾; слѣд., 886 г. поставленъ совершенно произвольно. Отправленіе митрополита на Русь въ 886 году—такой вздоръ, который могъ явиться результатомъ грубаго искаженія фактовъ. Въ Никоновской лѣтописи ничего подобнаго нѣтъ: здѣсь говорится лишь о посылкѣ *архіерея* къ русамъ, которые, какъ и половцы (куманы), жили въ Евкспононтѣ, т. е. по сѣверному берегу Чернаго моря. Итакъ, извѣстіе 886 г. о патріархѣ Фотіи явилось только въ XVII в.

По мнѣнію акад. Шахматова, появленіе въ лѣтописяхъ имени Фотія, современника болгарскаго царя Бориса, объясняется тѣмъ, что вся лѣтописная повѣсть о крещеніи Владиміра представляетъ изъ себя не что иное, какъ передѣлку предполагаемаго авторомъ болгарскаго сказанія о крещеніи Бориса ²⁾. Эта смѣлая и весьма остроумная гипотеза не можетъ однако имѣть никакой убѣдительности, такъ какъ такого сказанія неизвѣстно, и нѣтъ данныхъ на то, что оно когда-нибудь существовало. Однимъ изъ основаній сблуженія повѣсти съ событіями времени крещенія Болгаріи авторъ считаетъ тождество именъ Кирилла (Константина), участвовавшаго въ просвѣщеніи Болгаріи, и философа, посланнаго греками наставлять кн. Владиміра. Но если имя Кирилла было въ древнѣйшей лѣтописи (его нѣтъ въ лѣтописяхъ Новгородской I, Лаврентьевской, Никоновской и др.), что авторомъ не доказано, то это имя нѣтъ основанія связывать съ именемъ первоучителя славянъ, который въ лѣтописи называется только *Константиномъ*, а въ Остромировомъ Евангеліи читаемъ: „*Константина* философа, наречена въ чръньчество именемъ *Кирилли*“ (л. 265), такъ что, если бы составитель повѣсти имѣлъ въ виду первоучителя славянъ, онъ назвалъ бы его или двумя именами, или однимъ именемъ Константина. Что касается слова *философъ*, то оно встрѣчается въ памятникахъ XI—XIV в. очень часто, и составитель повѣсти такого мудреца и не могъ иначе назвать.

¹⁾ См. Голубинскаго, *Ист. р. ц. I, I, § 26*

какъ философъ. Наконецъ, страннымъ является то обстоятельство, что въ тѣхъ лѣтописяхъ, гдѣ философъ названъ *Кюриломъ* (изъ нихъ древнѣйшая—Авраамки, 1495 г.), имя это названо лишь въ первомъ случаѣ, а далѣе, когда мы ожидали бы „рече Кюриль, отвѣщавъ Кюриль рече, начать Кюриль глаголати“, мы читаемъ „рече философъ, отвѣщавъ философъ, начать философъ глаголати“, т. е. тѣ же выраженія, которыя находимъ и въ древнихъ лѣтописяхъ, не называющихъ философа по имени. Это свидѣтельствуешь о томъ, что имя Кюрила вставлено лишь въ XV в.

Вотъ каковы догадки о происхожденіи имени патр. Фотія. Ни одна изъ нихъ не опирается на документальныя данныя, а между тѣмъ есть одинъ документъ, который даетъ весьма важное указаніе, способное разсѣять недоумѣнія, связанныя съ именемъ Фотія: это—уставъ кн. Всеволода Владиміровича, о которомъ говорилось выше. Съ этой грамотой связано старое недоразумѣніе, будто бы она принадлежитъ кн. Всеволоду-Гавриілу XII в. Это недоразумѣніе такъ и осталось въ трудахъ даже такихъ историковъ церкви, какъ еп. Макарій ¹⁾ и акад. Голубинскій. Если бы грамота принадлежала означенному князю, ея показанія были бы мало надежны; но въ дѣйствительности она принадлежитъ сыну св. Владиміра, почему ея указанія слѣдуетъ признавать вполне достоверными и надежными.

И вотъ, въ этой грамотѣ ²⁾ первымъ русскимъ митрополитомъ названъ Михаилъ: слѣд., извѣстіе о немъ въ Никоновской лѣтописи вполне правильно. Далѣе, грамота упоминаетъ въ одномъ мѣстѣ *мамоканонъ*, смотря въ который епископу слѣдуетъ „управливати“, а въ другомъ—„Фотія патриарха царградскаго грамоты, что принесеть на Русь князь великій Владимерь“. Еп. Макарію, въ указанномъ выше мѣстѣ, видятъ въ грамотахъ Фотія Фотіевъ Номоканонъ, съ чѣмъ можно вполне согласиться. Но изъ этого слѣдуетъ весьма важное слѣдствіе

Въ той же грамотѣ говорится, что кн. Владиміръ принялъ

¹⁾ Одинъ изъ источниковъ лѣтописнаго сказанія о крещеніи Владиміра; Разысканія о древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ сводахъ, стр 152—153. 231.

²⁾ Исторія русской церкви, т. I. прим 230, гл. 4

крещеніе „отъ греческихъ царей и отъ Фотія, патріарха цареградскаго“. Отсюда видно ¹⁾, что въ первой половинѣ XI в. у новгородскаго духовенства было убѣжденіе въ принятіи крещенія отъ Фотія, 2) что убѣжденіе это основывалось на томъ, что кн. Владиміръ принесъ на Русь Номоканонъ Фотія. Въ какой редакціи былъ этотъ Номоканонъ, мы, конечно, никогда не узнаемъ; но въ самомъ фактѣ появленія Номоканона при кн. Владиміръ нельзя сомнѣваться, и онъ же объясняетъ имя Фотія, пропущенное и въ грамоты, и въ лѣтописи. Такимъ образомъ, слова „воспріялъ есмь крещеніе отъ Фотія патріарха“ слѣдуетъ понимать такъ, что Владиміръ въ основу церковнаго управленія положили Фотіевъ Номоканонъ.

Въ предыдущихъ строкахъ я придаю видное значеніе показаніямъ Никоновской лѣтописи, расходясь въ ея оцѣнкѣ съ нѣкоторыми изслѣдователями, между прочими съ акад. Голубинскимъ. Я думаю, что въ данномъ случаѣ почтеннаго изслѣдователя вводитъ въ заблужденіе то обстоятельство, что онъ пользуется первымъ изданіемъ лѣтописи (1767—1792 г.), сдѣланнымъ по позднему списку XVII в., который принадлежалъ патріарху Никону, почему лѣтопись и получила свое неправильное названіе. Въ дѣйствительности она составлена не позднѣе 1505 г. и по очень хорошимъ источникамъ, изъ которыхъ главнымъ я считаю сводъ 1423—1425 г. Это обстоятельство объясняетъ неточности историка, когда онъ ставитъ 991 годъ вмѣсто 992 (стр. 281), когда онъ говоритъ, что Никоновская лѣтопись повторяетъ Степенную книгу (тамъ же, прим. 1), когда онъ отдастъ предпочтеніе Густинской лѣтописи передъ Никоновской (тамъ же и стр. 280). Кромѣ того, такой скептическій взглядъ на древность Никоновской лѣтописи я объясняю тѣмъ, что акад. Голубинскій не пользовался новымъ изданіемъ первой Новгородской лѣтописи (Спб. 1888), гдѣ впервые были напечатаны приложенія. Поэтому для провѣрки Никоновской лѣтописи онъ прибѣгаетъ къ лѣтописи новгородскихъ владыкъ (стр. 282), которая не имѣетъ никакого авторитета, будучи составлена въ концѣ XVII в. Въ списокъ митрополитовъ (стр. 285) мы не находимъ у историка церкви митрополита Михаила, зна-

¹⁾ Издана въ Новгор. лѣтописи по Синод. списку, 459—463.

чащагося въ тѣхъ же новгородскихъ лѣтописяхъ, въ которыхъ помѣщены грамоты, признаваемыя имъ неподлинными (XV в.).

Обращаясь къ остальнымъ доказательствамъ, въ силу которыхъ акад. Голубинскій признаетъ уставъ Владиміра неподлиннымъ.

„Если бы, говоритъ почтенный историкъ, уставъ Владиміровъ былъ сочиненъ въ Южной, Кіевской Руси, то онъ былъ бы извѣстенъ въ ней; но онъ вовсе не былъ извѣстенъ въ ней“ (стр. 408, прим. 2). Признаться сказать, я не вполне понимаю, о какого рода извѣстности говорить почтенный историкъ. Если онъ имѣетъ въ виду южныя рукописи, то, вѣдь, древнихъ южныхъ рукописей до насъ дошло совсѣмъ мало, и не дошло ни одной такого характера, чтобы тамъ оказался юридическій памятникъ. Если акад. Голубинскій имѣетъ въ виду лѣтопись, то, вѣдь, древняя кіевская лѣтопись также не сохранилась, и мнѣ извѣстно лишь одно указаніе Никоновской лѣтописи, подъ 1409 г., на лѣтопись Сильвестра, игумена Михайловскаго Выдубычскаго монастыря, составителя лѣтописи 1115—1116 г.: „Аще хочешн прочти тамо прилѣжно“ ¹⁾ Итакъ, нечего и говорить объ извѣстности устава на югѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ не могу не привести свидѣтельства сѣверной (Кирилло-Бѣлоз. мон.) рукописи 1475 г., въ которой значится послѣ заглавія грамоты „Правило законно“ (на поляхъ: „Свитокъ в. гн. Володимера Кіевскаго“): *На Кіевѣ писано* ²⁾. Любопытно то, что здѣсь Владиміръ еще не названъ *святымъ*, какъ онъ названъ въ новгородской Кормчѣй. Наконецъ, извѣстна редакція устава, составленная въ XIII в. въ Галицко-Волынской области.

„Неизвѣстный владимірскій епископъ, продолжаетъ акад. Голубинскій, въ своемъ посланіи къ не называемому по имени сыну Александра Невскаго не признаетъ его подлинности во всемъ его объемъ, г къ не приводитъ изъ него сполна всего, предоставляемаго въ немъ суду епископовъ,—Памятники древне-русск. канонич. права, 117“ ³⁾. На это

¹⁾ Полное собр. р. лѣтописей, т. XI, стр. 211.

²⁾ Русскій. Свѣдѣнія о рукописяхъ, содержащихъ въ себѣ Хожденіе иг. Давиіла М. 1891 („Чтевія“), стр. 12 (л. 97 об.).

³⁾ Исторія русской церкви, т. I, I, стр. 408, прим. 2.

слѣдуетъ возразить, что епископъ цитируетъ не „Уставъ“ Владиміра новгородской Кормчей и не „Рукописаніе“, а „Правило законно“, изъ котораго беретъ небольшія выдержки, именно: изъ 18 перечисляемыхъ церковныхъ людей только 6 главныхъ, изъ 33 видовъ церковнаго суда беретъ лишь 16 и затѣмъ въ сокращенномъ видѣ выписываетъ 29-ое апостольское правило, помѣщенное въ древней грамотѣ въ началѣ, а не въ концѣ. При этомъ нѣкоторыя выраженія древней грамоты епископъ не понялъ и исказилъ ихъ. Изъ того, что епископъ пропустилъ просвирню, не слѣдуетъ, будто бы въ XIII в. она не была подчинена церковному суду: и изъ того, что онъ не упомянулъ о бракахъ между родственниками, вовсе не слѣдуетъ, будто въ XIII в. эти дѣла были предоставлены свѣтскому суду. Просто, посланіе очень коротко и не имѣетъ цѣлью дать полностью все нормы *права*.

То же самое „Правило законно“ цитируетъ митрополитъ Клиріанъ въ грамотѣ 1392 г. ¹⁾, причемъ его указанія еще короче, хотя къ перечисленію церковнослужителей онъ добавляетъ „и всякъ церковный челоувѣкъ“, имѣя въ виду, конечно, тѣхъ, которые перечислены въ „Правилѣ“ Клиріанъ, какъ и владимірскій епископъ, не понялъ „Правила“: слово *монастыреве* (=μοναστηρια) онъ принялъ за чистую монету, почему допустилъ нелогичную фразу: „монастыреве, игумены... и всякъ церковный челоувѣкъ.“ Это показываетъ, что нужно различать писанное (часто непонятно) церковное право и практику, которая, конечно, не во всемъ съ нимъ сходилась.

Обращаясь къ пяти возраженіямъ противъ по единности Устава, которыя акад. Голубинскому представляются самыми важными и которыя онъ перечисляетъ на стр. 400--401 второго изданія своего труда.

1) „Десятина была дана не одной кievской церкви Богородицы и не одной митрополіи, но и всеѣмъ епископіямъ... О предоставленіи (десятины) Уставъ долженъ быть говорить не одной (этой) церкви, а и всеѣмъ епископіямъ.“

Слова уважаемаго историка основываются, повидному, на томъ обстоятельстве, что намъ неизвѣстно никакихъ дру-

¹⁾ Памятники древне русскаго канонич. права, I, № 26

гихъ грамотъ Владиміра св. о десятинахъ, кромѣ двухъ грамотъ, касающихся Десятинной церкви. Но изъ факта отсутствія такихъ грамотъ никакого положительнаго вывода сдѣлать нельзя. А названіе церкви *Десятинная* показываетъ, что это былъ первый храмъ, который получилъ десятины, и ожидать, чтобы въ первой грамотѣ упоминалось обо всѣхъ десятинахъ, которыя впоследствии должны были бы быть даны,—болѣе, чѣмъ странно.

2) „Владиміръ даетъ десятину киевской церкви Б—цы „во всей земли Русской“. Но это невозможно и совсѣмъ нелѣпо“. Въ „Правилѣ законномъ“ ясно говорится, что къ церкви Матери Божьей принадлежала *архіепископія*, т. е. Киевская епархія, во главѣ которой стоялъ митрополитъ. Это видно изъ грамоты митрополита 1270 г., цитируемой новгородской лѣтописью: „Мгѣ поручить Богъ архіепископію въ Русьской землѣ“. Русьской землей, какъ извѣстно, называлась въ XIII в. только Южная Русь, какъ-разъ та территория, которая входила въ составъ Киевской епархіи.

Къ этимъ словамъ акад. Голубинскій дѣлаетъ примѣчаніе, что свидѣтельство лѣтописи подъ 1169 (1172) г. „далъ бѣ десятину къ церкви той по всей Русской землѣ“—относится къ тому времени, когда уже плохо понимали, что такое десятина. На это могу возразить лишь то, что въ концѣ XVII в. (а можетъ быть, и въ XVIII) хорошо понимали, что такое десятина. Какъ же этого могли не понимать въ XII?

3) Владиміръ говоритъ, что онъ предоставляетъ суду епископовъ (такія-то дѣла) на основаніи греческаго Номоканона: но это—неправда“.

Выше я уже указалъ, что греч. сл. *Νομοκανόν* точно было переведено по-русски „Правилѣ законномъ“. Владимірово Рукописаніе имѣетъ въ виду, несомнѣнно, эту коротенькую юридическую компиляцію, которая, дѣйствительно, лишь слегка сокращена въ Рукописаніи,—а отнюдь не тотъ большой сборникъ церковныхъ правилъ, который въ рукописяхъ XIII в. извѣстенъ подъ двумя названіями: а) „Книгы, глаголемыя гречьскимъ языкомъ Номоканунъ, сказаемыя нашимъ языкомъ Загону правило“, б) Книгы, глаголемыя Кърмѣчія, рекъше Правилѣ закону, гречьскимъ языкомъ Номоканонъ“¹⁾.

¹⁾ Ср. у Голубинскаго, I, 1, стр. 658—660.

4) „Уставъ В. предоставляетъ суду епископовъ... тяжбы.. о наслѣдствѣ.. Но мы имѣемъ положительное свидѣтельство, что при Ярославі онѣ подлежали суду князя“. Въ данномъ случаѣ—фактическая ошибка, т. к. ни въ церковномъ уставѣ Ярослава, ни въ Правдѣ Русской Ярослава, ни даже въ добавленіяхъ къ ней, составленныхъ его сыновьями, не упоминаются вовсе тяжбы о наслѣдствѣ („о задъницю“). Эти тяжбы предоставлены суду князя въ Уставѣ Владиміра Всеволодича (Мономаха), именно въ тѣхъ параграфахъ Устава, которые въ популярныя издашя Русской Правды, печатаемыхъ безъ различія ея частей, значатся подъ №№ 92—101.

Конечно, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что въ началѣ XI в. когда еще не существовало никакихъ писанныхъ гражданскихъ законовъ, кромѣ международныхъ договоровъ, суду церковному были предоставлены дѣла о наслѣдствѣ, которыя въ XII в. были поручены гражданскому суду.

Изъ всего предыдущаго видно, что, съ одной стороны, у насъ на лицо памятникъ церковнаго права, переведенный въ южной Руси съ греческаго языка, и съ другой—цѣлый рядъ болѣе или менѣе архаичныхъ версій „Устава“ (подъ названіями „рукописаніе“, „свитокъ“ кн. Владиміра и т. п.), носящихъ различныя призраки передѣлки. Этой передѣлкѣ, очевидно, подвергался переводный памятникъ „Правило законно“: обратную передѣлку предполагать невозможно. То же самое „Правило законно“ лежитъ въ основѣ устава Всеволода Владимировича, составленнаго въ Новгородѣ около половины XI в. Отсюда слѣдуетъ, что оно было составлено и переведено ранѣе половины XI в. Рѣчь въ третьемъ лицѣ и самый фактъ переводности этого памятника свидѣтельствуютъ о томъ, что его ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать „уставомъ Владиміра“. Имя патріарха Фотія говоритъ за то, что памятникъ составленъ на много лѣтъ позднѣе крещенія Руси, и потому нельзя думать, что „Правило законно“ современно построенію Десятинной церкви. Скорѣе всего нужно предполагать что это произведеніе составлено и переведено въ княженіе Святополка Окаяннаго. Именно въ это время церковь особенно нуждалась въ гарантіяхъ, и ея представителямъ естественно пришла мысль изложить

исторію введенія христіанства на Руси и основанія первой епархіи, получившей десятищу.

При этомъ греческое духовенство не удержалось на высотѣ своего призванія и включило въ церковно-юридическій памятникъ апокрифическій матеріалъ, съ ложными ссылками на правило V вселенскаго собора и другими, возбуждающими недоумѣніе изслѣдователей, странными юридическими нормами. Несмотря на этотъ апокрифическій матеріалъ (въ иныхъ случаяхъ находящей себѣ соотвѣтствіе въ пятикнижьи Моисея), „Правило законно“ было принято русскимъ духовенствомъ за чистую монету и въ нѣсколько измѣненномъ видѣ вплоть до Стоглаваго собора сохраняло авторитетъ церковно-юридическаго памятника. Духовныя лица, передѣлывавшія переводное произведеніе, позаботились лишь о томъ, чтобы удалить изъ него заключительную статью „Правило V вселенскаго собора о обидящихъ церкви“, подложность которой слишкомъ бросалась въ глаза: поэтому ея нѣтъ ни въ одной изъ редакцій „Устава“. Что касается этихъ послѣднихъ, то возникновеніе наиболѣе древнихъ изъ нихъ слѣдуетъ относить ко времени не ранѣе второй половины XI в., т. к. уставъ Всеволода Владиміровича не знаетъ еще ни „рукописанія“, ни „свитка“, ни „устава“ Владиміра, а ссылается только на самые факты, изложенные въ „Правиль законномъ“. Въѣсть съ гѣмъ не пзя относить передѣлку къ позднему времени въ виду того, что уже въ XIII в. было не менѣе двухъ редакцій „Устава“ (повгородская и вольицкая).

Въ заключеніе этихъ доводовъ кратко формулирую мой взглядъ на разсматриваемые памятники

1) Письмо кончины Владиміра Св, вѣроятно, въ княженіе Святополка Окаяннаго, неизвѣстнымъ грекомъ, духовнымъ лицомъ, была составлена грамота, излагающая оъ гречьяго лица обстоятельства построенія Десятинной церкви и введенія десятины въ Кіевской землѣ и содержащая въ себѣ правила, болышею частью подложныя, которыя должны были нормировать церковную жизнь на Руси. Эта грамота тогда же была переведена на русскій языкъ, причемъ переводчикъ плохо зналъ греческій языкъ и не умѣлъ передать по-русски нѣкоторые юридическіе термны

2) Эта грамота послужила основой для грамоты повгород-

скаго князя Всеволода Владимировича, данной около половины XI в. новгородскому Софійскому собору

3) Въ XII или XIII в. та же переводная грамота была передѣлана въ уставъ, ложно приписанный Владимиру Св. названный его „рукописаніемъ“ или „свиткомъ“ и изложенный отъ перваго лица. Ложность этого устава явствуется изъ многочисленности его редакцій, относящихся къ разнымъ столѣтіямъ вплоть до XVIII

4) Переводная грамота „Правило законо“ сохраняла всю силу церковно-юридическаго авторитета въ теченіе XIII—XV вв.: изъ новгородской лѣтописи и изъ рукописи 1475 г. видно, что эту грамоту не отличали отъ устава Владимира, называя первую „свиткомъ“ Владимира, а второй—его „рукописаніемъ“ Позднѣ XV в. „Правило законо“ теряетъ силу авторитета, и Стоглавъ содержитъ въ себѣ только одинъ уставъ (въ Новгородской редакціи)

III

Церковный уставъ Ярослава Мудраго.

Перехожу къ уставу Ярослава Мудраго. Акад. Голубинскій, отрицающій его подлинность, печатаетъ его по нѣсколькимъ спискамъ съ основнымъ спискомъ, находящимся въ Кормчей 1493 г. Хотя списокъ этотъ и позднѣе того, который содержится въ рукописи I Новгородской лѣтописи, принадлежащей Археографической Комиссіи и относящейся къ срединѣ XV в. ¹⁾, но существенныхъ отличій вообще списка устава не представляютъ. Можно лишь отмѣтить, что и этотъ уставъ, по видимому, лучше всего сохранился въ рукописи Кир.-Бѣл. мон. 1475 г. (вып. Петербургской Дух. Акад. № 9 (1086): здѣсь Ярославъ называетъ себя не только сыномъ Владимира (какъ и въ другихъ спискахъ), но и *внукомъ Святослава*.

Возраженія акад. Голубинскаго противъ подлинности этого документа въ значительной степени основываются на тѣхъ же данныхъ, которыя заставили историка признать поддѣлкой уставъ кн. Владимира. Мы видимъ здѣсь опять ссылку

¹⁾ Новгород лѣтопись по Синод. списку, стр. VII

на Номокопѣ, въ которомъ де иѣтъ предоставленія суду епископовъ извѣстныхъ дѣлъ. По мнѣнію г. Голубинскаго, грамота Ярослава есть не княжескій уставъ, а церковное каноническое сочиненіе. Такимъ же характеромъ отличается и Рукописаніе Владимира, и въ этомъ иѣтъ ничего удивительнаго: подзаголовокъ Устава Ярослава „Суды святительскія“ ясно показываетъ, какихъ областей жизни касается это произведеніе. Есть въ возраженіяхъ г. Голубинскаго и недоразумѣнія: Ярославъ говорить, что онъ съ митрополитомъ составилъ грамоту „по данію отца своего“. Въ одномъ изъ списковъ XVI в. (Лѣтоп. Переясл. Судъ¹⁾) вмѣсто *по данію* значитъ „по записи“. Случайный варіантъ поздней рукописи даетъ г. Голубинскому поводъ заключить о новомъ свидѣтельствѣ подложности грамоты.

Выраженіе „по данію“ не имѣетъ опредѣленнаго смысла, и я думаю, что въ оригиналъ было *по гаданію*, т. е. „по мысли, согласно съ замѣреніемъ“.

Указанная замѣчанія акад. Голубинскій считаетъ „не совсемъ рѣшительными“ признаками подложности Устава, и заѣмъ перечисляетъ „безусловно рѣшительные“:

1) „Судъ митрополита и епископовъ надъ мірянами по преступленіямъ уголовнымъ расширяется“ до крайней степени. Я уже говорилъ, что до Русской Правды у насъ не было никакихъ гражданскихъ узаконеній; поэтому почему было и „расширяться“. „Авторъ устава предоставляетъ суду (церковному) даже поджигательство, (которое) всегда судилось судомъ гражданскимъ“. Выраженіе „всегда судилось“ представляетъ тоже недоразумѣніе: Помимо разбираемаго устава, дѣла о заживаніи, заколѣ, заналеніи упоминаются въ сѣдующихъ грамотахъ до конца XV в.: 1) въ т. н. Судномъ Законѣ (Судебникъ царя Константина), составляющемъ въ рукописяхъ вторую половину Устава Владимира Мономаха¹⁾; 2) въ Судебникѣ Пвана III (1497 г.) и 3) въ Псковско-вѣсковской судебной грамотѣ. При этомъ нужно замѣтить, а) что въ послѣдней постановленіе по условію сходно съ постановленіемъ Новгородской записи о *церковномъ* судѣ²⁾, б) что самое постановленіе Ярослава противъ поджигатель-

¹⁾ Новгород лѣт. по Синод. сп., 477—478

²⁾ Акты Археогрфич. Экспедиціи, т. I, № 103

ства цѣлкомъ взято изъ книги „Исходъ“ (гл. XXII, ст. 6): въ Уставѣ: „Аще кто замѣжетъ дворъ, или гумно или што что, митрополиту 40 гривень, а князь казнитъ“: въ книгу Исходъ: Если появится огонь и охватитъ тернъ и выжжетъ лѣсны, или жатву, или поле, то долженъ *заплатить*, кто произвелъ сей пожаръ.“ Отсюда ясно, что постановленіе относительно поджога сначала явилось въ церковномъ судѣ, и оттуда уже перешло въ гражданскій, а не наоборотъ.

2) „Наибольшую часть преступленій уставъ облагаетъ двойнымъ наказаніемъ—денежнымъ штрафомъ въ пользу епископа и казнью въ собств. смыслѣ со стороны князя“. Такого рода постановленіе историкъ называетъ „противнымъ разуму человѣческому“ (стр. 404). Я совершенно согласенъ съ уважаемымъ изсѣдвателемъ, но только долженъ замѣтить, что слово *казнити* значитъ „подвергать наказанію“, причемъ подъ *казнью* разумѣется самый процессъ наказанія, т. е. способъ приведенія въ исполненіе приговора: конечно, митрополитъ не могъ самъ собирать принудительные штрафы, и это, естественно, возлагалось на княжескую власть (ср. *казнью* = *ταξίαρχος*, начальникъ роты)

„Составитель устава Ярославова, замѣчаетъ историкъ, присоединяетъ къ своимъ денежнымъ пенямъ тѣлесныя наказанія со стороны гражданской власти“. И это замѣчаніе не соответствуетъ истинѣ. Возьмемъ, хотя бы, постановленія о поджогѣ. „Перевѣтнику и закигальнику—тѣмъ живота не дати“, читаемъ въ Исковской Судной грамотѣ „Закигальнику, вѣдомому лихому человѣку, живота не дати“, находимъ въ Судобникѣ Ивана III. Петровича этихъ постановленій XV в. заключаемыхъ въ упомянутомъ Судномъ Законѣ, входящемъ въ составъ Устава Владиміра Мономаха: „Аще за какую вражду или заграбленія ради закигаетъ храмы (жплица), или села, или хлѣвы, или гумно и же закигаетъ—*мечемъ цѣкается*“

Не признавая подлинности уставовъ Владиміра, Всеволода Владиміровича и Ярослава, акад. Голубинскій въ то же время вполне признаетъ подлинность грамоты смоленскаго князя Ростислава Мстиславича, данной Смоленской епископціи въ 1150 г., грамоты, известной въ единственномъ „не совсѣмъ исправномъ“ спискѣ (стр. 412). Посмотримъ, что есть оригинальнаго въ этой грамотѣ, по сравненію съ „под-

ложными" грамотами. Суду епископа въ немъ предоставляются слѣд. дѣла: 1) „роспустъ"—то же въ уставѣ Владиміра; 2) „аажь водитъ кто двѣ женѣ"—то же въ уставѣ Ярослава; 3) „аще кто поимется чрезъ законъ"—гоже въ уставахъ Владиміра („смильное заставаніе") и Ярослава („аще мужъ огъ жены блядетъ"); 4) „аажь уволочеть кого дѣвку"—то же въ уставахъ Владиміра („умыканіе") и Ярослава („аще кто умчитъ дѣвку"); 5) „аажь ту женку"—то же въ уставѣ Ярослава („аще кто пощбаеть. . боярьскую жену"); 6) „вопросъ" (ср. въ лѣт. 912 г. Олегъ „бѣ прежде вырощаль волхъвовъ—кудесникъ"), „зелья и душегубства"—то же въ уставахъ Владиміра и Ярослава; 7) „аажь бьегася двѣ женѣ"—то же въ уставѣ Ярослава и болѣе подробно въ уставѣ Владиміра; 8) аажь церковный человѣкъ доидеть чего"—то же въ обоихъ уставахъ болѣе подробно; 9) „аажь кого Богъ отведеть церковныхъ людей, а не будетъ зла ничего церкви". Выраженіе *кого Богъ отведеть* употреблялось въ смыслѣ „кто умретъ". Постановленія касательно ответственности или вознагражденіе послѣ смерти лица мнѣ неизвѣстны ни въ какихъ другихъ памятникахъ до XIV в., кромѣ смоленской же договорной грамоты (съ Ригю и Готландомъ) ок. 1230 г.: здѣсь мы читаемъ: „Аже смолянинъ... не расплативъ ся поидѣтъ къ Богови, а кто его задѣнцю (наслѣдство) възъметъ, тѣмъ и гостиный тѣваръ дастъ." 10) „Аажь будетъ тяжа или продажа епископа"—въ послѣднемъ постановленіи мы встрѣчаемся съ совершенно новымъ и оригинальнымъ явленіемъ въ исторіи русской церкви, съ выступленіемъ духовенства на арену торговли. Слово „продажа" я понимаю здѣсь не въ смыслѣ „денежной пени за преступленіе", какъ это понимаетъ Срезневскій, а въ современномъ (и древнемъ) смыслѣ „отдачи за деньги". Грамота Ростислава освобождала духовенство отъ торговыхъ пошлинъ и этимъ должна была сильно двинуть духовенство по пути приобрѣтеній и вообще торговыхъ дѣлъ. Если такого рода постановленій нѣтъ ни въ одной изъ грамотъ, по истинности которыхъ отрицаетъ акад. Голубинскій, то это обстоятельство говорить, конечно, въ пользу подлинности ихъ, а не противъ ея

А. Марковъ.